

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 3 / 2025, Vol. 8, Iss. 3 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327.8

Роль искусственного интеллекта в современных военных конфликтах

¹ Шудрик М.В.,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: цель статьи – изучение роли искусственного в военных конфликтах, определение областей его применения и потенциальные вызовы, связанные с этим. Исследовательская гипотеза заключается в том, что искусственный интеллект существенно видоизменяет саму суть военного конфликта. Ключевой метод исследования – контент-анализ актуальных исследований отечественных и зарубежных авторов, вместе с ведомственными документами профильных организаций. Наряду с контент-анализом, в работе используется статистика как исследовательский метод. В ходе исследования устанавливается, что еще рано говорить о переходе военных конфликтов на новый этап, несмотря на развитие искусственного интеллекта в этой сфере. На нынешний день существует множество технологических, правовых и этических препон для перехода к полномасштабному использованию искусственного интеллекта на поле боя. Как показывает сформировавшееся среди исследователей мнение, выходом является усиление международной консолидации для обеспечения такого применения искусственного интеллекта в военной сфере, которое бы отвечало гуманитарным ценностям и нормам международного права. Актуальность статьи подтверждается возросшим интересом к искусственному интеллекту среди исследователей, а также на государственном уровне.

Ключевые слова: автономные системы, военная доктрина, кибер-атаки, мета-вселенные, информационно-психологическое воздействие

Для цитирования: Шудрик М.В. Роль искусственного интеллекта в современных военных конфликтах // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 3. С. 147 – 154.

Поступила в редакцию: 17 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 февраля, 2025 г.; Принята к публикации: 7 апреля 2025 г.

The role of artificial intelligence in the contemporary military conflicts

¹ Shudrik M.V.,

¹ Saint Petersburg State University

Abstract: the purpose of the article is to study the role of artificial in military conflicts, to identify the areas of its application and potential challenges associated with it. The research hypothesis is that artificial intelligence significantly modifies the very essence of military conflict. The key method of the research is content analysis of actual studies of domestic and foreign authors, together with departmental documents of specialized organizations. Along with content analysis, the paper uses statistics as a research method. The research establishes that it is too early to talk about the transition of military conflicts to a new stage, despite the development of artificial intelligence in this area. To date, there are many technological, legal and ethical obstacles to the transition to the full-scale use of artificial intelligence in the battlefield. According to the opinion formed among researchers, the way out is the strengthening of international consolidation to ensure such application of artificial intelligence in the mili-

tary sphere, which would be in line with humanitarian values and norms of international law. The relevance of the article is confirmed by the increased interest in artificial intelligence among researchers, as well as at the state level.

Keywords: autonomous systems, military doctrine, cyber-attacks, meta-universes, information-psychological impact

For citation: Shudrik M.V. *The role of artificial intelligence in the contemporary military conflicts. Historical Bulletin.* 2025. 8 (3). P. 147 – 154.

The article was submitted: December 17, 2024; Approved after reviewing: February 19, 2025; Accepted for publication: April 7, 2025.

Введение

На сегодняшний день технологии на основе искусственного интеллекта проникли во все сферы человеческой жизни. Область международных отношений и, в частности, вооруженных конфликтов не стала исключением из общей тенденции. Глобальная политическая нестабильность в мире обеспечила благоприятную почву не только для внедрения относительно новых технологий в военной отрасли, но и послужила импульсом к их дальнейшему динамическому развитию. Отношение к технологиям подобного рода формируется неоднозначным: некоторые видят в развитии искусственного интеллекта способ решения самых различных проблем, автоматизацию рутинной деятельности, другие отмечают пагубное влияние данных технологических решений на человеческую жизнь и безопасность [9, 13]. Тем не менее, вне зависимости от приводимых оценок, абсолютно понятно, что та роль, которую искусственный интеллект играет во всех сферах человеческой жизни и в ходе ведения военных действий, будет только расширяться, включая в себя все новые технологические решения и изобретения.

Актуальность темы исследования подтверждается повсеместным применением средств разведки и вооружения с технологической «начинкой» с искусственным интеллектом в ходе современных военных конфликтов, например, в Сирии, в ходе ведения специальной военной операции (далее – СВО), в ходе Израиле-Палестинского конфликта [17]. Подобные технологии не только позволяют эффективней вести боевые действия, обеспечивая превосходство напрямую на линии столкновения, но и позволяют, как и сократить количество человеческих жертв, так и вести информационно-психологическое воздействие на противника, разлагая его боевой дух и дисциплину [4, с. 35-40]. Особым образом искусственный интеллект видоизменил и процессы обучения, в том числе, и в военной сфере, открывая доступ к тренировкам в режиме виртуальной реальности. Это позволило максимально приблизить тренировочный процесс к реальным условиям ведения боя, управления во-

енной техникой и симулируя различные возможные ситуации [1, с. 5-9].

В этой статье на основе документов государственного и ведомственного происхождения [2, 8, 9, 13, 15, 19, 20] и ряда исследовательских статей и монографий [3, 4] производится попытка взглянуть на новейшие решения в области искусственного интеллекта среди военных технологий. Более того, статья стремится дать ответ на вопрос о том, какие перспективы и вызовы стоят перед человечеством при использовании подобных решений.

Материалы и методы исследований

Теоретический фундамент статьи выстраивается вокруг оценки роли искусственного интеллекта в военных конфликтах. Это роль анализируется через призму таких основополагающих работ как «Психологическая война» П. Лайбарджера [3] и «Информационно-психологическая война» А. Манойло [4]. Заложенные в них идеи о целях и задачах информационно-психологических войн коррелируют с существенной частью функций, реализуемых искусственным интеллектом на современном поле боя. Так, с его помощью осуществляется подавляющее большинство кибератак, которые могут быть нацелены на психологическое подавление сил противника, с его же помощью выстраиваются и защитные алгоритмы от них [16, с. 378-379]. В работе рассматриваются следующие тезисы:

1) Искусственный интеллект радикально изменяет суть политического и военного конфликта, открывая невероятные возможности осуществления информационного воздействия на противника, обеспечивая разведку, выполняя другие задачи на линии боевого соприкосновения.

2) Современный прогресс искусственного интеллекта ставит перед человечеством дилемму о том, принесет ли дальнейшее развитие подобных технологий больше вреда или пользы человечеству, в частности – в достижении военных и политических целей.

3) Необходимость контроля над этим прогрессом может и должна привести к усилению между-

народной консолидации для установления правовых норм контроля над реализацией технологий на основе искусственного интеллекта, как это было с другими видами вооружений в прошлом.

Исследование выстроено вокруг наиболее современных публикаций государственных и международных организаций, затрагивающих проблематику использования технологий на основе искусственного интеллекта в рамках вооруженных конфликтов и в смежных сегментах человеческой деятельности [2, 8, 19]. Для обеспечения комплексного подхода к обозреваемой теме роли искусственного интеллекта в военных конфликтах XXI века привлекаются и статьи отечественных и зарубежных авторов [5, 6, 7]. Максимально широкая выборка, как и статей, так и других источников позволяет добиться приемлемого уровня репрезентативности в обозреваемом и цитируемом материале. Для достижения этой цели в работе соблюдается паритет между иностранными и русскоязычными источниками, более того, среди привлеченных источников также представлены взгляды различных стран и организаций, что позволяет с разных политических позиций взглянуть на исследуемую проблему.

Ключевым методом исследования в рамках данной работы является контент-анализ [12]. Учитывая новизну вопросов, связанных с искусственным интеллектом, обусловленную не столь давней популяризацией технологий подобного уровня, наиболее исследовательски ценная информация раскрывается путем сопоставления существующего плюрализма мнений и взглядов. Немаловажно и то, что привлекаемые публикации обладают четко прослеживаемой категоризацией – как и по языку оригинального текста, так и по своей принадлежности к той или иной организации. Имея представление о миссии и целях организации или страны, создавшей тот или иной документ, можно критически оценивать изложенную в нем информацию.

Отталкиваясь от вышеизложенных тезисов, и следуя контент-анализу как основному методу исследования, следует уточнить, что в соответствии с типологией М. Бенгсстон в данном случае используется дедуктивный вид контент-анализа [14]. Применение именно этого типа данного исследовательского метода позволяет наиболее полноценно увязать предполагаемые теории с исследуемой литературой и источниками для оценки их состоятельности.

Отдельно стоит упомянуть и метод статистического анализа. К. Пирсон в своей фундаментальной работе «The Grammar of Science» дает оценку этому исследовательскому методу как основному

научному методу, применимому к любой сфере научной деятельности, и позволяющему формировать индуктивные выводы для проверки гипотез [11]. В рамках этой статьи во многих привлекаемых источниках приводятся статистические данные и их интерпретация [1, с. 4, 16]. Учитывая формат статьи, наиболее целесообразным представлялось использовать уже готовые данные статистических исследований, и через их призму оценить выдвигаемые теории, с оговоркой на то, что эмпирическая база данных обозреваемых исследований отличается по принципу комплектования, тем не менее, предоставляет необходимую визуализацию по темам, сопредельным с исследовательскими вопросами настоящей статьи [11].

Говоря о специфике источников, рассматриваемых в статье, важно помнить про то, что ведомственные документы, а, в частности, отчеты организации уровня НАТО [9] и ВОЗ [13], точно так же, как и внутренние документы Министерства обороны США [8, 19, 20] обладают своей узкой целевой аудиторией и преследуют достаточно узкие цели своим созданием, что ограничивает их источниковедческий потенциал. Так, директивы и стратегии Министерства обороны США, равно как и Военная доктрина РФ [2, с. 3-5.], достаточно лаконично передают информацию, выражая ее в виде списков тезисов, изредка прибегая к инфографике и схемам. Тем не менее, в этих документах наиболее емко отражается государственная и/или ведомственная политика видения современного военного конфликта, а также и роли в нем новейших технологий.

Результаты и обсуждения

XXI век стал эпохой стремительного технологического развития. Быстрый прогресс в сфере вычислительной техники, компьютерных технологий, микропроцессорах и беспроводных сетях стал отличным фундаментом для создания и эволюции систем на основе искусственного интеллекта. Военная индустрия не стала исключением из общей тенденции, и именно в ней можно отчетливо проследить имплементацию искусственного интеллекта. Как правило, военные заинтересованы в создании автономных систем для ведения боевых действий, чтобы обеспечить, как и более точное, оперативное принятие решений в боевой обстановке, так и для сохранения человеческих жизней [7, с. 2]. Некоторые попытки автоматизации в военной технике осуществлялись еще в XX веке, например, интеграция вычислительных элементов в системы наведения ракетных комплексов в СССР в 1960-1970-х гг. Сейчас же государства вкладывают существенные ресурсы в создание, апробации и серийный запуск беспилотных ле-

тальных аппаратов (далее – БПЛА), беспилотные катера, и другой схожей военной техники. Страны заинтересованы и в разработке программного обеспечения, позволяющего либо производить сложные математические расчеты без дополнительного человеческого участия. Стоит отметить, что беспилотные боевые машины обладают рядом существенных недостатков, связанных с осуществлением бесперебойного дистанционного управления. Эти недостатки негативно сказываются на самом принципе автономности боевой машины, поскольку особенности рельефа местности и погодные условия могут снижать эффективную дальность управления такой машиной до всего лишь нескольких километров, чтобы отмечено во время опыта применения «Уран-9» в Сирии [18].

Основной же проблемой таких машин, как и подобных им автономных систем в других странах, является этическая и правовая проблема, связанная на саморегулировании искусственного интеллекта, на базе которых они работают. Большинство таких машин оснащены вооружением, однако программные настройки не позволяют им самостоятельно принимать решение о поражении разведанной цели – необходимо подтверждение человека [18]. Помимо этого, несмотря на определенную перспективность разработок в этой сфере, исследователи отмечают существенные проблемы с тем, что правовая система во многих странах пока не имеет действующих норм для урегулирования ответственности за использование подобных машин [7, с. 13].

Ключевым фактором в разработке правового урегулирования применения автономных боевых систем на базе искусственного интеллекта исследователи считают недостаточную прозрачность алгоритмов в моменты принятия решений [6, с. 7]. Ю. Харитонов в своей работе по вопросам правового урегулирования применения искусственного интеллекта в военном деле отмечает, что размываются и смешиваются понятия искусственного интеллекта и интеллектуальных систем. Тем не менее, это не должно приводить к созданию в праве лазейки о переносе ответственности с операторов систем на сами программы при нарушении тех или иных правовых норм [6, с. 6-7]. В то же время, операторы БПЛА или другой схожей с ними техники все равно должны нести ответственность, как минимум – моральную, что обозначает наличие и этической проблемы урегулирования использования вооружений на базе искусственного интеллекта. Вопросы правового и этического характера в равной мере волнуют и отечественных, и зарубежных исследователей, что позволяет говорить о консолидации, как минимум научных интересов,

так и о перспективах к международному сотрудничеству в области регуляции искусственного интеллекта на поле боя.

Помимо непосредственного участия в действиях на линии боевого столкновения, искусственный интеллект может быть использован и в других вариациях, например, осуществление разведки. При этом, искусственным интеллектом оснащаются, как и средства визуальной разведки, так и алгоритмы, анализирующие аэрокосмические снимки. Наряду с этим, в современных научных публикациях указывается и на необходимость использования искусственного интеллекта в анализе данных, связанном с потенциальными направлениями перемещений противника, выбором им мест дислокации, размещения объектов военной инфраструктуры и так далее [5, с. 4-7].

Отдельного упоминания стоит использование алгоритмов или программ на основе искусственного интеллекта в рамках информационно-психологического воздействия на вооруженные силы противника или на мирное население. В рамках военной доктрины РФ есть четкое обозначение дестабилизации внутренней обстановки в стране как одной из военных опасностей, равно как и резервирует право на использование информационных инструментов защиты национальных интересов страны при возникновении подобной опасности [2, с. 5]. Тенденция по применению искусственного интеллекта в журналистике наметилась еще в начале века, и ее примитивные формы позволяли автоматизировать обработку больших объемов данных. К середине 10х гг. широкое распространение получили программные решения для генерации контента в социальных сетях, автоматизированной его публикации, редакции, стали доступны программы, существенно облегчающие взлом и кибершпионаж [4, с. 57]. Таким образом, на сегодняшний день в ряде стран абсолютно открыто действуют специальные ведомства внутри министерств обороны, отвечающие за осуществление кибератак [10]. Примечательно, что даже в случае отсутствия такого структурного подразделения как такового, зачастую их деятельность остается в «серой зоне», и эти организации могут выступать как прокси для достижения целей, поставленных им по заказу либо государства, либо других политических агентов [10].

Как уже было затронуто выше, военная доктрина РФ [2, с. 1-5] подразумевает защиту, а также и использование информационных методов для обеспечения безопасности страны и для достижения своих военных целей. В частности, по заявлениям Австралийского института стратегической политики, еще на момент 2021 года в США опасаются

лись потенциальных кибер-атак на инфраструктуру правительственного сегмента интернета через прокси-группировки хакеров, которые могли бы действовать в интересах РФ [10]. Представляется вполне возможным подобное применение средств обеспечения информационной безопасности со стороны РФ в качестве ответных мер, учитывая, что это не противоречило бы утвержденной доктрине. Как раз для полномасштабных кибер-атак, позволяющих перегружать и отключать целые сервера и могут потребоваться решения, основанные на искусственном интеллекте, и позволяющие в разы увеличивать интенсивность этих атак.

Более иллюстративным примером роли искусственного интеллекта в виденье современных боевых действий РФ является активное применение подобных технологий для принятия решений на различных уровнях – от оперативного до стратегического [17]. В данной статье, опубликованной на сайте Центра Американской безопасности (далее – CNAS) говорится о том, что хоть им и сложно оценить реальную степень присутствия передовых технологий на основе искусственного интеллекта в ходе СВО, тем не менее, даже через их средства информирования и открытые источники можно сделать уверенный вывод о повороте РФ к более активному применению подобных решений [17]. Например, авторы исследования CNAS приводят слова генерального директора фонда перспективных исследований РФ, что в ближайшем будущем стоит цель заменить большинство, если не всех, солдат на передовой на роботов или автономные системы, тем самым сократив людские потери на линии боевого столкновения [17]. В заключение, CNAS приходит к выводу о том, что ход СВО наиболее четко подчеркивает ту критическую важность, которую приобретает искусственный интеллект в его самых различных формах в составлении оперативной картины боя в рамках современных вооруженных конфликтов [17].

Переходя к анализу виденья роли искусственного интеллекта в НАТО, наиболее ценными источниками в этом контексте являются доклад Special Competitive Studies Project (частный аналитический фонд в США, работающий с проблематикой технологий и безопасности, далее – SPSP) [15], директива министерства обороны США об автономных средствах вооружения [8] и доклад о стратегии по искусственному интеллекту [20], а также отчет НАТО о появлявшихся разрушительных технологиях [9]. Так, в стратегии министерства обороны США от 2018 года искусственный интеллект определяется как «одно из технологических преимуществ, которыми обладает страна и

которым пользуется в своей миссии по защите своих граждан от внешней угрозы» [20, с. 5]. В этой же стратегии делается особый акцент на то, что и другие страны, в частности – КНР и РФ, имеют большие расходы на создание средств вооружения на основе искусственного интеллекта [20, с. 5]. В качестве необходимых шагов в нынешних условиях и стратегии на будущее в докладе выделены следующие меры: стать лидерами в сфере освоения искусственного интеллекта, вести коммуникацию с ведущими учеными и бизнесами в этом сегменте, включить технологии на основе искусственного интеллекта в механизмы решения различных ведомственных задач, обеспечивать инновации на всех возможных уровнях [20, с. 7-8].

В докладе министерства обороны США от января 2023 года отдельно рассматриваются вопросы о разработке и использовании автономных боевых систем [8]. Особым образом подчеркивается намерение министерства обороны обеспечить прозрачный, безопасный порядок применения подобных вооружений, гарантируется применение автономных боевых систем исключительно подготовленным, специально обученным личным составом [8, с. 6]. Наиболее важно, что среди обязательств, которые берет на себя министерство обороны, отдельным пунктом дается гарантия о несении ответственности личным составом за любое использование автономных боевых систем, а также за потенциальные последствия [8, с. 6]. Резюмируя, что в министерстве обороны США, что в НАТО, что в отчетах частных организаций уровня SPSP, главной темой остается необходимость скорейшего включения искусственного интеллекта на всех уровнях военной стратегии, однако сохраняются веские опасения насчет безопасности.

Особенно важным в рамках военных стратегий может являться возможность применять искусственный интеллект для дезинформации и психологического воздействия во время ведения боевых действий и в мирное время. Поскольку пропаганда и воздействие на моральное состояние личного состава и гражданского населения давно стали неотъемлемой частью любого противостояния [3, с. 27-31, 4], не стоит предполагать, что новые возможности в такой деятельности останутся незамеченными среди крупнейших стран. На текущий момент времени объем дезинформации стал беспрецедентным, учитывая широчайший спектр возможностей искусственного интеллекта по генерации контента. Несмотря на то, что исследователи считают основными бенефициарами злонамеренного использования искусственного интеллекта в целях дезинформации бизнесы и отдельных политиков [16, с. 378], сложно отрицать привлека-

тельность решений на базе искусственного интеллекта для преследования государственных целей, особенно если речь об осуществлении психологического воздействия на силы противника.

Выводы

В заключение, стоит сказать, что с началом широкого распространения самых различных технологий на основе искусственного интеллекта меняется и внешний вид современного вооруженного конфликта. Данные перемены, как следует из указанного выше, затронули самые различные сферы, начиная от обучения и подготовки состава войск, заканчивая технологиями в области осуществления информационно-психологического воздействия на силы противника. Тенденция широкого внедрения искусственного интеллекта вместе с масштабами его использования в ходе последних и текущих конфликтов позволяет сделать вывод о том, что и в дальнейшем мы будем свидетелями трансформации методов ведения боя под влиянием технологического прогресса в этой отрасли. Тем не менее, пока не представляется возможным категорически утверждать о радикальной эволюции в видах вооруженных конфликтов, поскольку большая часть решений на основе искусственного интеллекта скорее дополняет уже имеющиеся технологии, нежели предлагает концептуально новые. Исключением можно считать разработку и внедрение в тренировочный процесс симуляции в мета-вселенных [1, с. 11].

Отвечая на вопрос о том, окажет ли дальнейшее совершенствование искусственного интеллекта негативные или позитивные перемены в жизнь человечества, необходимо учитывать тот факт, что, в первую очередь, многое будет зависеть от скорости формирования достаточных и эффектив-

ных основ правового урегулирования в этой сфере. Современные исследователи в области права говорят о том, что на сегодняшний день дефиниции искусственного интеллекта нуждаются в актуализации, поскольку в правовом поле необходимо обеспечивать принцип наказуемости незаконных действий лиц, использующих искусственный интеллект. Обеспечив четкие границы зон ответственности, можно добиться правовой прозрачности в использовании искусственного интеллекта, особенно во время вооруженных конфликтов, в рамках которых значительно трудней осуществлять контроль над преступлениями. С другой стороны, на сегодняшний день скорости развития и появления новых форм технологий существенно опережают эволюцию правового поля.

Как следует из анализа существующих на данный момент военных доктрин [2] и стратегий крупнейших держав [8, 20] – искусственный интеллект ставится в область перспективных разработок, и именно за ним признается будущее в военном деле. Дальнейшее развитие подобных технологий неминуемо, и будет продолжать существенное, либо даже решающее влияние на ход военных конфликтов любого уровня и масштаба. Более того, области применения искусственного интеллекта уже давно вышли за пределы физического поля, и одной из ключевых таких сфер будет, и уже является сфера информационно-психологического противодействия. Ключом к благоприятной интеграции технологий на основе искусственного интеллекта должны стать открытость, международное сотрудничество и усиленный контроль над безопасностью закладываемых в алгоритмы параметров, как и своевременная их проверка и адаптация.

Список источников

1. Виноградова Е.А. Анализ военных метавселенных: на примере США, Индии и Китая // Мировая политика, 2023. 15 с.
2. Военная доктрина Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prlib.ru/item/352098> (дата обращения: 15.05.24). 5 с.
3. Лайбарджер П. Психологическая война: пер. с англ. Н.Н. Берников. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1962. 179 с.
4. Манойло А.В.. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. Киев, 2005. 9 с.
5. Машнич А.С., Иванов А.А, Киргизова Н.П. Применение искусственного интеллекта в интересах территориальной обороны России // StudNet, 2020. 16 с.
6. Харитонов Ю.С. Правовое регулирование применения технологии искусственного интеллекта в военном деле: опыт России и Китая // Журнал прикладных исследований. 2021. № 1. 9 с.
7. Bruce A. Swett, Erin N. Hahn, Ashley J. Llorens. Designing Robots for the Battlefield: State of the Art // Vatican City: Academy of Sciences and the Pontifical Academy of Social Sciences. С. 131 – 146.
8. Directive 3000.09: Autonomy in Weapons System. U.S. Department of Defense, 2012. 24 с.
9. Emerging and Disruptive Technologies. NATO. [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_184303.htm?selectedLocale=en (дата обращения 17.05.2024)

10. Joseph S. Nye. Will Biden's Red Lines Change Russia's Behavior in Cyberspace? [Электронный ресурс] URL: <https://www.aspistrategist.org.au/will-bidens-red-lines-change-russias-behaviour-in-cyberspace/> (дата обращения 16.05.2024)
11. Karl Pearson. The Grammar of Science. London, 1911. 623 с.
12. Klaus Krippendorff. Content Analysis. An Introduction to Its Methodology, 2004. 422 с.
13. Managing the COVID-19 Infodemic: Promoting Healthy Behaviors and Mitigating the Harm from Misinformation and Disinformation. World Health Organization. [Электронный ресурс] URL: <https://www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения 17.05.2024)
14. Mariette Bengtsson. How to Plan and Perform a Qualitative Study Using Content Analysis // Nursing Plus Open. 2016. Т. 2. С. 8 – 14.
15. Offset – X. Closing the Deterrence Gap and Building the Future Joint Force // Special Competitive Studies Project, 2023. 75 с.
16. Paulo Savaget, Tulio Chiarini, Steve Evans. Empowering Political Participation through Artificial Intelligence // Science and Public Policy. 2019. Т. 46. 3-е изд. С. 369 – 380.
17. Samuel Bendett. Roles and Implications of AI in the Russian-Ukrainian Conflict [Электронный ресурс] URL: <https://www.cnas.org/publications/commentary/roles-and-implications-of-ai-in-the-russian-ukrainian-conflict> (дата обращения 17.05. 2024)
18. Sebastien Roblin. What Happened When Russia Tested Its Uran-9 Robot Tank in Syria? [Электронный ресурс] URL: <https://nationalinterest.org/blog/reboot/what-happened-when-russia-tested-its-uran-9-robot-tank-syria-182143> (дата обращения 18.05.2024)
19. Space Force Publishes Data, AI Strategic Action Plan. United States Space Force. [Электронный ресурс] URL: <https://www.spaceforce.mil/News/Article-Display/Article/3774329/space-force-publishes-data-ai-strategic-action-plan/> (дата обращения 17.05.2024)
20. Summary of the 2018 Department of Defense Artificial Intelligence Strategy. US Department of Defense, 2018. 113 с.

References

1. Vinogradova E.A. Analysis of military metauniverses: on the example of the USA, India and China. World Politics, 2023. 15 p.
2. Military Doctrine of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://www.prilib.ru/item/352098> (date of access: 15.05.24). 5 p.
3. Laibarger P. Psychological Warfare: trans. from English by N.N. Bernikov. Moscow: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense, 1962. 179 p.
4. Manoilo A.V. Information and Psychological Warfare: Factors Determining the Format of a Modern Armed Conflict. Kyiv, 2005. 9 p.
5. Mashnich A.S., Ivanov A.A., Kirgizova N.P. Application of Artificial Intelligence in the Interests of Russia's Territorial Defense. StudNet, 2020. 16 p.
6. Kharitonova Yu.S. Legal Regulation of the Application of Artificial Intelligence Technology in Military Affairs: The Experience of Russia and China. Journal of Applied Research. 2021. No. 1. 9 p.
7. Bruce A. Swett, Erin N. Hahn, Ashley J. Llorens. Designing Robots for the Battlefield: State of the Art. Vatican City: Academy of Sciences and the Pontifical Academy of Social Sciences. P. 131 – 146.
8. Directive 3000.09: Autonomy in Weapons System. U.S. Department of Defense, 2012. 24 p.
9. Emerging and Disruptive Technologies. NATO. [Electronic resource] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_184303.htm?selectedLocale=en (date of access: 17.05.2024)
10. Joseph S. Nye. Will Biden's Red Lines Change Russia's Behavior in Cyberspace? [Electronic resource] URL: <https://www.aspistrategist.org.au/will-bidens-red-lines-change-russias-behaviour-in-cyberspace/> (date of access: 16.05.2024)
11. Karl Pearson. The Grammar of Science. London, 1911. 623 p.
12. Klaus Krippendorff. Content Analysis. An Introduction to Its Methodology, 2004. 422 p.
13. Managing the COVID-19 Infodemic: Promoting Healthy Behaviors and Mitigating the Harm from Misinformation and Disinformation. World Health Organization. [Electronic resource] URL: <https://www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (date of access: 17.05.2024)

14. Mariette Bengtsson. How to Plan and Perform a Qualitative Study Using Content Analysis. *Nursing Plus Open*. 2016. Т. 2. P. 8 – 14.
15. Offset – X. Closing the Deterrence Gap and Building the Future Joint Force. *Special Competitive Studies Project*, 2023. 75 p.
16. Paulo Savaget, Tulio Chiarini, Steve Evans. Empowering Political Participation through Artificial Intelligence. *Science and Public Policy*. 2019. Vol. 46. 3rd ed. P. 369 – 380.
17. Samuel Bendett. Roles and Implications of AI in the Russian-Ukrainian Conflict [Electronic resource] URL: <https://www.cnas.org/publications/commentary/roles-and-implications-of-ai-in-the-russian-ukrainian-conflict> (date of access: 17.05. 2024)
18. Sebastien Roblin. What Happened When Russia Tested Its Uran-9 Robot Tank in Syria? [Electronic resource] URL: <https://nationalinterest.org/blog/reboot/what-happened-when-russia-tested-its-uran-9-robot-tank-syria-182143> (date of access: 05.18.2024)
19. Space Force Publishes Data, AI Strategic Action Plan. United States Space Force. [Electronic resource] URL: <https://www.spaceforce.mil/News/Article-Display/Article/3774329/space-force-publishes-data-ai-strategic-action-plan/> (date of access: 05.17.2024)
20. Summary of the 2018 Department of Defense Artificial Intelligence Strategy. US Department of Defense, 2018. 113 p.

Информация об авторе

Шудрик М.В., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, shudrikmax@gmail.com

© Шудрик М.В., 2025